

МОЯ
**ТРУДОВАЯ
КНИЖКА**

рассказы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Костас Лит
Моя трудовая книжка.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30791185

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2467-7

Аннотация

Пройденный путь принято измерять годами, достижениями, победами, наградами, бывшими супругами. Я решил попробовать измерить пройденное местами своей работы. Собирая документы для ипотеки, я запросил в отделе кадров копию трудовой книжки. По дороге домой начал читать там записи. Читиво оказалось увлекательным. В памяти неожиданно стали всплывать истории, прямо или косвенно связанные с тем или иным местом работы. Некоторые из них показались мне поучительными, некоторые просто забавными. Именно они и легли в основу этих рассказов. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Обратная сторона мечты	7
Глупая шутка	13
Военно – морская интернатура	19
Искусство военно-морского менеджмента	36
Кок, плов, и камбуз или Мудрое командирское решение	44
Новосибирский завод металлических конструкций. Или, вот оно, счастье!	52
Бешеные деньги	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Предисловие

Думаю, все, кто учил английский язык, понимают, как не просто переводить с русского на английский, сохраняя все смысловые акценты. Например, как можно перевести слово писатель. Любой словарь выдаст вам несколько значений. Самыми распространенными вариантами наверняка будут два английских слова: *writer* и *author*. Трудность же заключается в том, что эти слова не полностью синонимичны, разная широта понятия дает разные акценты.

Author – автор, создатель, творец. В моем восприятии это Майкл Бонд, Федор Достоевский, Джордж Оруэлл, Михаил Булгаков, Лев Толстой, Владимир Сорокин, Рэй Брэдбэри, Людмила Улицкая и многие-многие другие, создавшие глубокие и многослойные произведения.

Writer – более широкий термин – писатель, клерк, писарь, машинист(ка). В литературе, и не только в русской, таких типажей, я уверен, не меньше. Некоторые из них, как это не парадоксально, очень плодовиты и, даже, весьма популярны. Не хочу приводить примеров, не мне судить.

Смею предположить, что большинство вторых тоже пытаются называть себя авторами. Но, слава Богу, мнение читателя от этого вряд ли меняется.

Я, конечно же, пока отношу себя ко второй категории. Да и термин «пока» здесь, скорее, лезть самому себе. Поту-

ги писательства, к сожалению, всего лишь мое хобби. И эта книга – дебют. И я не знаю, будет ли вторая. Очень хочется, и есть задумки, но время покажет.

Очень краткая предыстория.

Пройденный путь принято измерять годами, достижениями, победами, наградами, бывшими супругами... Вариантов, думаю, масса. Я решил попробовать измерить пройденное местами своей работы. Я считаю себя стабильным человеком. За последние двадцать лет я менял работу лишь трижды. Тем не менее, во время одного из последних трудоустройств, вдруг выяснилось, что в моей трудовой книжке не осталось свободного места. И в ней появился специальный вкладыш.

Чуть позже, собирая документы для ипотеки, я запросил в отделе по работе с персоналом копию. Я возвращался домой. Книга, которую я взял с собой дочитывать, закончилась еще по пути на работу. Поэтому, на обратном пути в метро, мне ничего не оставалось, как начать читать записи из собственной трудовой. Читиво оказалось, на удивление, увлекательным. В памяти, неожиданно, начали всплывать истории, прямо или косвенно связанные с тем или иным местом работы.

Некоторые из этих историй показались мне поучительными, некоторые, просто забавными. Именно они легли в основу этих рассказов. Тем не менее, хотелось бы добавить, что, несмотря на некоторую временную, с ударением на «у», ав-

тобиографичность этих историй, в них слишком много вымысла, чтобы считать их документальными. В конечном итоге, события и образы получились собирательными, события – искаженными, а то и просто вымышленными, а эмоции – преувеличенными. Персонажи этих рассказов – плод моей фантазии. Поэтому, если Вам вдруг, показалось, что Вы узнаете себя или знакомого Вам человека, Вы, конечно же, ошибаетесь. Вы также ошибаетесь, если Вам показалось, что Вы узнаете те или иные организации, объекты или события. Этого просто не может быть, ибо все описанное в этой книге – вымысел.

Приятного Вам чтения!

Обратная сторона мечты

Давным-давно, в начале девяностых, в самый разгар перестройки, я работал в одной маленькой новосибирской компании, специализирующейся на продаже бытовой техники. Время было дикое, самое начало пост дефицитного периода. Компании появлялись, росли и богатели очень быстро. Многие также быстро и исчезали. Наша прожила довольно долго. Как таковая структура в компании отсутствовала. Был директор, он же учредитель с самой большой долей, и несколько его родственников – соучредителей, занимающих, по сегодняшним меркам, менеджерские позиции. В обязанности остальных, в том числе и в мои, входила вся остальная работа: загрузка и разгрузка вагонов и машин, строительство нового склада, транспортировка денег в Красноярск на Бирюсу, доставка холодильников и стиральных машин по адресам.

В основном, это была тяжелая физическая работа. В те годы мы с напарником могли легко без лифта и перекуров поднять двухкамерный холодильник на девятый этаж. А когда я купил по своей цене двухкамерную Бирюсу для своих друзей, я один занес ее к ним в квартиру. В общем, был силен, но уставал сильно.

Чаще всего, я работал на доставке. В моем распоряжении был служебный бортовой УАЗик. Мы с напарником утром грузили в него двенадцать холодильников, получали у дис-

петчера лист с адресами, развозили, распаковывали и проверяли уже в квартире, забирали деньги, а вечером завозили деньги к директору домой.

Как раз, в один из таких дней, мы, как это часто случалось, не успели пообедать, и остановились возле большого хлебного магазина на пересечении Советской и Ленина, который назывался то ли Урожай, то ли Колос, точно уже не помню. Остановились, чтобы купить каких-нибудь булок, и сжевать их прямо на ходу, по дороге до следующего пункта доставки. Развезли мы к тому времени, уже холодильников эдак шесть – семь. Естественно, выглядели уже не очень. В смысле, не очень бодрыми и чистыми. Но нам было очень весело. Мы постоянно рассказывали друг другу какие-то веселые истории, анекдоты, подтрунивали друг над другом.

Этот эпизод, почему-то, запомнился мне очень подробно, с красками, звуками и ароматами. Яркий, солнечный и неожиданно теплый весенний день. Один из тех дней, когда долгожданная весна вдруг обрушивается на тебя после многомесячной и уже ненавистной стужи, когда ты вдруг замечаешь, что в центре города уже сухие дороги и тротуары, хотя на окраинах все еще моря и болота. Яркое-яркое солнце, синее прозрачное небо. Листьев еще нет, но уже тепло почти по-летнему, хотя всего несколько дней назад был минус и шел снег. Громко орут обалдевшие от долгожданного в Сибири тепла воробьи. Барышни, впервые после долгой зимы, с удовольствием освобождаются от зимних маскировочных

одежд. В общем, праздник весны и просыпающегося счастья, на фоне которого мы с напарником, грязные и потные, смеющиеся над каким-то очередным анекдотом вываливаемся из своего такого же грязного УАЗика...

И тут, рядом с нашим грузовичком останавливается черная блестящая иномарка. Открываются двери, из машины выходят два молодых человека. Они чисто выбриты. Оба в деловых костюмах и элегантно повязанных галстуках. У них, такие же, как машина, черные блестящие ботинки. Они с достоинством несут портфели и серьезные целеустремленные лица. Они проходят мимо, и нас обдаёт облаком дорогого парфюма...

Я помню, как я остановился, и с завистью посмотрел им вслед. Менеджеры... Фантастическая профессия! У них серьезная и приятная работа. Они зарабатывают деньги головой а не мышцами и сухожилиями. Им не надо таскать тяжести по этажам. В их машине работает кондиционер и играет музыка, и их робу не надо стирать два раза в неделю... В общем, мне тогда очень сильно захотелось, вот так же, как они, подъехать на хорошем авто, выйти, хлопнуть водительской дверью, поправить галстук, открыть заднюю дверь, взять портфель с заднего сиденья, и...

K

K

Прошло пятнадцать лет. Я подъехал к офисному центру на большой черной иномарке. Вышел из машины, хлопнул водительской дверкой, привычным движением поправил галстук. Открыл заднюю дверь, взял портфель, закрыл машину и повернулся в сторону здания. Рядом с воротами служебного въезда стоял небольшой импортный грузовичок, груженный холодильниками, стиральными машинами и еще какой-то техникой. Рядом, видимо, в ожидании пропуска, стояли два молодых человека в рабочих полукомбинезонах и громко смеялись, видимо, над каким-то, только что рассказанным анекдотом.

Я остановился и обернулся вокруг. Яркий, солнечный и неожиданно теплый весенний день. Один из тех дней, когда долгожданная весна вдруг обрушивается на тебя после многомесячной и уже ненавистной стужи, когда ты вдруг замечаешь, что в центре города уже сухие дороги и тротуары, хотя на окраинах все еще моря и болота. Яркое-яркое солнце, синее прозрачное небо. Листьев еще нет, но уже тепло почти по-летнему, хотя всего несколько дней назад был минус и шел снег. Громко орут обалдевшие от долгожданного в Москве тепла воробьи. Барышни, впервые после долгой зимы, с удовольствием освобождаются от зимних маскировочных одежд...

Именно в этот момент я осознал, что только что, впервые заметил весну этого года. Я первый раз в этом году уви-

дел солнце и голубое небо. И не потому, что до этого все дни были пасмурные, а от того, что я, оказывается, просто перестал обращать на них внимание. Потому что я как то незаметно для самого себя перестал замечать все то, что дает нормальному человеку ощущение гармонии и счастья. Постоянные попытки сознания решать рабочие проблемы в любое время суток заслонили собой мир. Постоянный контроль выполнения плана, контроль работы команды, постоянный поиск правильных решений вытеснили из меня способность радоваться солнечному весеннему дню.

Я шел к офису, смотря на носки своих, похожих на мой автомобиль, черных блестящих ботинок. Я нес портфель и серьезное лицо. Я шел и думал, что с мечтами нужно быть поосторожнее – они иногда материализуются.

Долгопрудный, октябрь 2011.

Глупая шутка

Позволю себе предположить, что трудовые книжки большинства мужчин—соотечественников, встретивших свое совершеннолетие еще в СССР, начинаются с записи «Служба в рядах Советской Армии», или с какой-нибудь другой формулировки того же смысла. По крайней мере, в моей трудовой есть именно такая запись.

Начинался этот, непонятно зачем случившийся в моей жизни двухгодичный период, на Дальнем Востоке, в июле одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Я был совсем молодым почти матросом одного из подразделений береговой охраны Краснознаменного Тихоокеанского флота. Почти матросом, потому что воинское звание, даже такое, как рядовой или матрос, присваивалось только после принятия воинской присяги. Вот, собственно, для принятия этой самой присяги да для обучения азам воинской службы нас и привезли в воинскую часть, обслуживающую один из приемо-передающих центров связи флота, спрятанный от лишних глаз в густой Приморской тайге.

Центр представлял собой самую обыкновенную сопку, сплошь заросшую маньчжурским орехом и лимонником, внутри которой, в далекие послевоенные годы, заключенные выдолбили огромный лабиринт, состоящий из огромных залов и разного размера герметичных бункеров, расположен-

ных на разных уровнях и соединенных между собой переходами и лестницами различной ширины и протяженности. Не то чтобы целый подземный город, но хозяйка медной горы, думаю, точно позавидовала бы таким апартаментам.

Сама часть с плацем, камбузом, казармами, гаражом и даже своим достаточно большим свинарником располагалась километрах в трех от центра. Каждые сутки, часов в пять вечера, в сторону центра строем отправлялась новая «вахта»: человек десять – пятнадцать связистов, электриков и еще каких-то военных специалистов.

Нас же, еще не принявших присягу, в свободное от полит просветительских и других обязательных занятий время, использовали как подсобную рабочую силу. Что только мы не делали. Рубили лес, рыли, вернее, продалбливали траншеи, прокладывали кабели, работали на пилораме, копали картошку, крыли крыши, убирались, мыли, чистили, красили...

Большая часть центра в то время находилась на реконструкции. Работало только несколько базовых передатчиков, остальные меняли на новые. Одновременно с их заменой ремонтировали практически все помещения. В общем, всякой работы, не требующей высокой квалификации, было более, чем достаточно. Поэтому, мы были там очень частыми гостями и какое то количество новобранцев нашего взвода практически постоянно там что-нибудь долбило, перетаскивало, красило или наоборот, отмывало.

Реконструкция подходила к концу. Практически вся аппаратура была завезена и установлена. Связисты из вахты в вахту занимались освоением и настройкой новых блестящих, уже мигающих разноцветными лампочками, но еще не подключенных к эфиру передатчиков.

Согласно принятым процедурам, каждая «сдающая вахту» команда должна была детально отразить в специальном вахтенном журнале весь перечень законченных и незаконченных за смену работ. Заступающая команда должна была весь этот отчет тщательно изучить, принять к сведению, и продолжить работу с точки, поставленной предыдущей сменой. Так должно было быть. И, в какой-то степени, даже делалось. То есть, каждая сдающая вахту команда, как правило, переписывала краткий отчет предыдущей смены, для ускорения процесса, выкидывая из него несколько «не самых нужных» слов, и, в лучшем случае, меняя еще несколько слов местами, чтобы их не «запалили» на совсем уж одинаковом тексте. Следующая команда, заступая на вахту через сутки, делала то же самое. И так далее до бесконечности. Ну, в общем, кто служил в Советской армии, знают...

Действительная же информация передавалась, в лучшем случае, следующим образом: «Вася, этот ящик не врубай, он че-то коротит, я, может, вот эту хреновину не правильно впалял, или, вот эту... Просто инструкцию еще три вахты назад просохатили... А вон тот ящик Серега паял, он, смотри, мигает уже, но я не знаю, че там еще сделать нужно, Серега на

соседний пост ушел...»

Короче говоря, если Серега возвращался до полной сдачи вахты, у него спрашивали подробности, если, конечно, не забывали спросить. А если не возвращался...

В общем, в один прекрасный день, заступает на вахту новая команда. Один из связистов – Матрос Толик Холодовский. Мелкий ростом и сухой телом рыжий дембель из маленького центрально русского городка, показно, до грубости, дерзкий, не отличающийся признаками высокого интеллекта, и, видимо, от этого, практически постоянно на кого-то задирающийся и отчаянно сквернословящий. В общем, дембель как дембель. Таких было много.

Свою прошлую вахту Толик сдал всего два дня назад. С его точки зрения, ничего с тех пор принципиально измениться не могло. По крайней мере, никаких внешних изменений в интерьере «поста» он не заметил. Все было точно так же, как раньше: несколько светящихся лампами новых недонастроенных передатчиков все также тихо гудели своими мощными трансформаторами. Поэтому, Толик не считал нужным спрашивать кого-нибудь о возможных переменах. Рассказывать ему никто и ничего, тоже не стремился. Зачем дембелю знать текущий статус работ? Дембель все равно работать не будет, ему уже не положено...

Команда приняла вахту и рассредоточилась по помещению «поста», каждый занялся своим делом. В том числе, конечно и Толик. Он покурил, сходил на соседний пост погово-

ритель за жизнь с Саньком, корешком—дембелем из-под Екатеринбурга. Покурил еще раз, потом еще... Курить больше не хотелось, спать тоже:

– Скучно то как, мать твою! Пойду в войнушку поиграю.

Он подвинул стул к ближайшему передатчику, уселся поудобнее, и медленно, не сразу отыскивая нужные символы на новой, еще не знакомой клавиатуре начал набирать текст: «Я, матрос Холодовский Анатолий Викторович, объявляю войну Соединенным Штатам Америки и лично Рональду Рейгану. Приказываю всем кораблям флота перейти в состояние полной боевой готовности и приготовиться к ракетной атаке». Толик набирал незашифрованным, доступным «все-му эфиру» текстом. Да и правда, чего шифроваться? Эфира то все равно еще нет...

И только успел Анатолий дописать последнюю букву своего сообщения, как, казалось бы, спящий до этого мгновения монитор вдруг ожил:

Авианесущий крейсер «Николаев» сообщение принял. Прошу подтвердить приказ.

Эсминец «Хмурый» принял. Повторите приказ

Линкор «Град» сообщение принял. Прошу подтверждения приказа.

Подводная лодка «Верхоречье» на связи. Подтвердите приказ.

...

Запросы на подтверждение приказа сыпались с экрана

один за другим. Толик замер и побледнел, его пальцы дрожали. Он начинал соображать, что произошло. До него, наконец, дошло, что в течение последних двух дней его отсутствия на “посту” его сослуживцы уже подключили часть передатчиков к эфиру. И что его, Толика Холодовского, за четыре месяца за дембеля угораздило выбрать уже подключённый передатчик для своей идиотской затеи...

Особист был в части уже рано утром. В этот же день Толика увезли на гауптвахту. Начался разбор полётов. Анатолию повезло.. командиру и замполиту неприятностей хотелось не больше, чем Анатолию. Особиста возили на охоту, поили спиртом, кормили местными таежными деликатесами, в результате чего дело не получило широкой огласки, и Толика просто перевели в другую часть, дослуживать оставшиеся четыре месяца.

Я же в тот день осознал, на каком тонком волоске может висеть мир вокруг нас, когда люди, не отягощенные должным чувством ответственности, вдруг решают поиграть в войнушку.

Долгопрудный. Сентябрь 2014.

Военно – морская интернатура

– Ну, что, Иваныч, кого себе в ассистенты выберешь? – капитан третьего ранга Пятак ходил перед двумя шеренгами нашего взвода, собранного всего полтора месяца назад специальным призывом из средних и высших учебных заведений и брошенного в это затерянное в уссурийских сопках местечко для прохождения «курса молодого бойца» и принятия военной присяги.

Маленькими шажками, переваливаясь с боку на бок проплывал замполит Пятак вдоль застывших в положении «смирно» новобранцев, делая, зачем-то, абсолютно не логичные, рандомные остановки. Поворачивался к строю, придвигался вплотную к оказавшемуся в этот момент ближе всего курсанту, привставал на носочки, пытаясь заглянуть прямо в глаза, замирал на несколько секунд, потом делал шаг назад и шел дальше, выбирая новую жертву. Заглянуть в глаза получалось только в самом конце строя. В начале же шеренги, несмотря на все свои старания, на вспотевший под фуражкой лоб, на дрожащее напряжение в желеобразном теле, на растянувшиеся, насколько это возможно, меха жировых складок в том месте, где у всех нормальных людей шея, каптри Пятак мог заглянуть, в лучшем случае, в рот.

Да, Всевышний не пожаловал ему богатырского роста. Даже среднего не пожаловал. Было в замполите, по самой лест-

ной оценке, не больше одного метра шестидесяти пяти сантиметров. Это если измерять его от нижней части явно нарощенного каблука офицерских ботинок до искусственно задранного над «крабом» верхнего края огромной, как аэродром и сшитой явно на заказ, офицерской фуражки. Недостаток роста Пятак с избытком компенсировал двумя оставшимися параметрами земного трехмерного измерения. Он имел грузное бочкообразное тело, оснащенное толстыми короткими ногами и несуразно торчащими, из-за сильно выпирающей талии, руками. Его маленькие круглые, чуть навывкат, глазки, обрамленные розовыми, как будто совсем безволосыми веками, недобро смотрели из под жиденьких белесых бровей. Чуть вздернутый красный широкий нос, пухлые обвисшие щеки, всегда недовольные, с сильно опущенными углами тонкие губы. Сразу под нижней губой, вместо подбородка, начинался каскад жировых складок, уходящий куда-то вниз, под капитанский мундир.

– Ну что, студенты мамкины, кто пойдет доктору помо-

гать? – Пятак опять перешел в самый конец строя, привстал на носочки и впился глазами в испуганно карие глаза Азамата – самого низкорослого курсанта нашего взвода.

– Я могу пойти, товарищ капитан третьего ранга, – не выдержал атаки выпученных глазок Азамат.

– Да нет, Борисыч, этот не справится. Щуплый он больно. Мне бы поздоровее парней. И лучше четверых, – прохрипел прокуренным баритоном Иваныч.

На доктора Иваныч похож не был. В отличие от замполита он был худощав и высок. Неопределенного возраста, скорее всего, уже за сорок. Небрит и неопрятен. Темные, с легкой сединой слипшиеся жирные волосы. Явно не докторские нервно дрожащие беспокойные руки с черными полосками въевшейся грязи вокруг желтых прокуренных ногтей. Да и одет он был не в белый халат, а в ватную, несмотря на уже осенний, но еще по-летнему жаркий день, наглухо застегнутую телогрейку. Из-под телогрейки были видны неопознаваемого цвета и фасона брюки, заправленные в кирзовые, в пятнах серой засохшей грязи, сапоги. Рядом с Иванычем стоял чемодан. Старый облезлый, среднего размера, красно-коричневый чемодан с металлическими, когда-то блестящими, замками и такими же металлическими, но уже подтонированными ржавчиной, уголками. В моем детстве такие чемоданы почему-то называли фибровыми.

– Поздоровее, говоришь... – замполит перестал гипнотизировать Азамата и вновь поплыл вдоль строя. – Тогда вот

этот подойдет, – он ткнул своим коротким, похожим на недоденную сосиску пальцем в живот Алжана, – кандидата в мастера спорта по боксу из города Чимкента, – выйти из строя!

Алжан вышел из строя и встал рядом со странным доктором.

– Вот этот, – продолжал Пятак, уперев палец в Витьку Данилина, – здоровенного дзюдоиста из под Владивостока, – выйти из строя! – Вот этот, – сосисочный обрубок уткнулся в пряжку моего ремня, – ...

Я тоже вышел из строя и примкнул к свите небритого Иваныча, явно не внушавшего мне никакого доверия.

– И-и-и..., – Пятак в нерешительности завис перед только что покинутым мной местом, машинально уперевшись взглядом в худую, не подходящую под заданные доктором параметры, грудную клетку стоящего во второй шеренге Шурика Радеева – веселого, никогда не унывающего вчерашнего студента Пензенского университета.

– Товарищ капитан третьего ранга, разрешите обратиться? – торжественно, в полном соответствии с уставом, задал вопрос Шурик.

– Ну, попробуй, – Пятаку явно не понравилось обращение щуплого курсанта.

– Я не смогу доктору помогать.

– Это почему еще? – опешил замполит.

– Я латыни не знаю, – отчеканил Шурик.

По шеренгам пробежала волна еле сдерживаемого смеха.

Пятак побагровел.

– Шутки вздумал со мной шутить?! В нарядах сгною, гаденыш!!! Выйти из строя!!!, – завизжал Пятак, брызгая слюной, – марш доктору помогать! Да без фокусов там у меня!

Шурик показно выпучил и без того большие глаза, изображая собой карикатуру служебного рвения, по-строевому, вытягивая носочек и чеканя шаг, вышел из строя, подошел к Ивынычу, приложил правую расправленную ладонь к бескозырке и, что есть мочи, прокричал в его небритое лицо:

– Товарищ доктор, курсант Радеев прибыл в Ваше распоряжение по приказу капитана третьего ранга Пятака!

Замполит грязно выругался. Формально придраться было не к чему. Все было по уставу. Только вот волны смеха в шеренга стали явно заметнее...

Ну ладно, Иваныч, забирай этих клоунов. Если хоть один сачковать вздумает, вечером мне доложишь, под арест отправлю сразу, всех четверых... – затем, уже повернувшись к голове строя, – Старшина первой статьи, остальных в Ленинскую комнату, учить устав. Наизусть. От корки до корки. Вечером проверю лично.

Старшина увел взвод. Замполит засеменил в сторону камбуза. Мы остались на плацу с доктором. В Приморье стояло бабье лето. Не по-осеннему яркое солнце, висящее над восточной сопкой, эффектно высвечивало лиственный красно – желтый на поросшем смешанной тайгой, хвойно – зеленом западном склоне глубокой котловины, приютившей нашу во-

енную часть.

Иваныч достал папиросу, зажег спичку, выпустил облако едкого дыма, поднял свой чемодан, и, не слова не говоря, отправился в противоположную от нашего мед пункта сторону. Мы молча двинулись за ним. Прошли через плац, спустились по асфальтированной дорожке вдоль нижнего забора, прошли мимо гаража, мимо дощатого сарая, служившего нам казармой. За сараем из построек части оставались только баня и свинарник.

– Куда же ведет нас этот странный доктор? – изрек я риторический вопрос, – В баню что ли? Зачем?...

Но баня тоже осталась позади. Мы подошли к свинарнику. Доктор уверенным движением открыл дверь, включил свет. Три маленькие тускло-желтых лампочки превратили темноту в полумрак. Внутри было сыро и серо. Очень неприятно пахло. Из нескольких пустых ящиков Иваныч быстро соорудил у стены некое подобие стола. Похоже, он хорошо ориентировался в этом грустном пространстве. Он поставил свой чемодан на один из ящиков, щелкнул замками, откинул крышку. Чемодан был набит разнокалиберными склянками, марлей, ватой, какими-то блестящими никелем инструментами...

– А Вы и правда доктор? – нарушил молчание Шурик.

– Правда, – хрипло ответил Иваныч, расстилая на втором, свободном от чемодана ящике коричнево-розовую медицинскую клеенку, – ветеринар я из соседнего совхоза.

Тут дверь снова распахнулась, и в свинарник вошел наш кок Богдан:

– Иваныч, меня замполит прислал. Просил тебе вот это передать. Сказал, что ты в курсе. – он передал Иванычу брезентовую сумку, в очертаниях которой угадывалась стеклянная трехлитровая, и явно не пустая, банка. – И вот это, – Богдан поставил рядом с чемоданом небольшую алюминиевую кастрюлю. – Когда закончите, позвони с КПП на камбуз, я приду и заберу.

– У нас, бойцы, задача на сегодня простая, – начал инструктор Иваныч, – Вон в том загоне, похоже, свинья заболела. Мне ей нужно температуру померить, и, возможно, сделать инъекцию. А вон в том, – он махнул рукой в тускло освещенную глубину свинарника, – три кабанчика подросли. Их сегодня небольшое хирургическое вмешательство ждет. Как со всем этим управимся, все свободны. Ясно?

Мы нерешительно покивали головами, пока не понимая отведенной нам роли.

– Начнем со свиньи. Идите за мной.

Вслед за ветеринаром мы подошли к калитке загона.

– Бойцы, кто-нибудь из вас борьбой занимался?

Я занимался. Дзюдо, – без энтузиазма ответил Виктор.

Отлично. Дзюдо, как раз, то что нужно. Будешь в группе захвата старшим. Ваша задача следующая. Подходите к свинье, берете за две ноги, переднюю и заднюю, но, обязательно те, что дальше от вас. Резко дергаете на себя. Вот, ваш

старший, наверняка знает, как это в борьбе делается. Он вас и научит. Дергаете, свинья падает. Вы наваливаетесь сверху, вяжете ее, и держите, пока я не скажу отпустить. Ясно?

Мы опять молча закивали, уставившись на свинью через дощатый забор. Больной она точно не выглядела. Необъятных размеров животное, словно в предчувствии чего-то дурного вжалось огромным задом в дальний угол своего загона. Она чуть наклонила голову. Ее маленькие круглые, чуть нависают, глазки, обрамленные розовыми, как будто совсем безволосыми веками, недобро смотрели из под больших белесых, нависающих сверху щетинистых ушей.

– Давайте, вперед, чего встали?! Так мы и до ночи не управимся, – подгонял нас Иваныч.

Дальше происходило что-то среднее между американским родео и испанской корридой. Четверо городских пацанов, в своем прошлом видевших свиней только на картинках, ободряемые матерными криками непрерывно дымящего папирсой Иваныча, пытались совладать с бедным, практически взбесившимся от страха животным. Свинья была сильна. Она дралась как лев. В загоне было тесно и очень скользко. Несколько раз нам казалось, что победа совсем близко. Но свинья снова изворачивалась, стряхивая с себя нависших недругов, и, вместо нее кто-то из нас падал в зловонную жижу. Все, кроме свиньи и Алжана, оравшего громче всех, но, при этом, в решающий момент, предусмотрительно оказывающегося за нашими спинами, как минимум, по разу по-

бывали в нокдауне. В конце концов, не на шутку разозлившийся Витька, схватил бедное животное за ноги, и технично бросил его на землю. Мы с Шуриком прыгнули сверху, скрутив ее конечности приготовленным заранее брезентовым ремнем. Ветеринар измерил температуру, поставил какой-то укол, после которого, животное было отпущено.

Ну что-ж, отлично! А теперь, бойцы, пойдёмте кабанчиков кастрировать.

– Как это кастрировать? – переспросил озадаченный Шурик.

– Как, как? Каком кверху, – хрипло засмеялся над своей остротой Иваныч, – знамо как, скальпелем. Да вы не дрейфите. Кастрировать я сам буду, для меня это дело привычное. Вы будете ассистировать, – он достал из принесенной Богданом сумки банку, открыл капроновую крышку, аккуратно отлил с полстакана в какую-то склянку, шумно выдохнул, выпил, достал очередную папиросу, чиркнул спичкой, затянулся, выпустил облако дыма, задумался, налил еще, выпил, опять затянулся, – в общем, бойцы, план такой...

Тут его цепкий прищуренный взгляд остановился на совершенно чистой, в отличие от наших, робе Алжана.

– Ты, боец, молодец, я смотрю, не запачкался даже. На товарищей то твоих смотреть не хочется, все в дерьме. А на тебе не пятнышка. Чистую работу любишь?

– Я спортсмен! Я сильный и ловкий, – принял похвалу за чистую монету Алжан. Я никогда не падаю, я всегда побеж-

даю.

– Да, я заметил. Я я и говорю, боец – молодец, – процедил, выпуская синий дым сквозь прокуренные зубы Иваныч, – будешь моим заместителем.

Алжан гордо расправил плечи, поглядывая на нас с явным превосходством.

– Давай, зам врача, сходи в баню и принеси мыло, два ведра теплой воды и мочалку какую-нибудь. Или, хотя бы кусок чистой ветоши, если мочалку не найдешь.

Алжан еще раз гордо посмотрел на нас и ушел выполнять свои непростые заместительские обязанности.

Ветеринар повернулся к Шурику.

– Ты, боец, будешь моим ассистентом. Будешь мне инструменты подавать. Заодно и латынь подучишь. Инструментов не много, запомнить легко... И он подвел Шурика к ящикам, накрытым клеенкой, рассказывая ему, что и как называется, и в какой последовательности это все может понадобиться.

– А вы, – закончив с инструктажем Шурика, Иваныч повернулся ко мне и к Витьке, – вы будете анестезиологами. Это просто. Видите, в углу бочка стоит?

Мы посмотрели в указанном направлении. В углу и правда стояла бочка. Стандартная столитровая бочка, набранная из деревянных планок, стянутых двумя уже ржавыми обручами. В таких бочках с продуктовой базы флота обычно привозили на камбуз кислую капусту и соленые огурцы.

– Так вот, – продолжал своим хриплым прокуреным голосом ветеринар, – берете бочку и одеваете ее на кабанчика спереди, обездвигивая его переднюю часть. Дальше перекачиваете бочку вместе с кабанчиком на сто восемьдесят градусов. Так, чтобы его задние копыта смотрели в потолок. И крепко все это держите. В смысле, и бочку, и копыта. Так, чтобы кабанчик не шелохнулся. Все остальное уже не входит в круг ваших обязанностей.

Мне очень не нравилась вся эта история. Со свиньей еще куда ни шло. Свинья действительно болела и ее нужно было скрутить для ее же блага. Конечно, было не очень приятно. Извозились все с ног до головы, воняем как ассенизаторы... Теперь придется все это стирать и завтра утром надевать мокрое. Но, это все мелочи, это переживаемо. А вот участвовать в оскоплении трех ни в чем не повинных животных мне, честно говоря, совсем не хотелось. Еще и за всем этим наблюдать...

Я посмотрел на Витька. Думаю, он думал о том же. По крайней мере, в его глазах явно не читалась счастливого вдохновения.

– Извините, пожалуйста, как Вас по имени отчеству? – спросил я ветеринара.

– Иваныч я, мне так привычнее.

– Извините, Иваныч, а нельзя ли, после того, как мы кабанчика поймаем, вколоть ему какое-нибудь снотворное? Мы их поймаем, вы их усыпите. Так надежнее будет, – сде-

дал я последнюю попытку облегчить свою миссию.

– Нельзя. На кой хрен мне столько снотворного переводить, если у меня анестезиологи есть? – Ивныч обнажил в улыбке свои желтые зубы, – Да и не к чему все это. Не бойтесь, им не сильно больно будет, у меня рука легкая. Ну все, хватит разговаривать, за дело! А то командиру вашему нажалуюсь...

Мы с Виктором, конечно, подчинились. Взяли бочку и отправились к загону. Кабанчики были как минимум в два раза меньше свиньи. Вообще, нужно отдать должное продуманности процесса. Размер бочки ювелирно подходил для того, чтобы обездвижить переднюю часть животного. Мы с Витей довольно быстро поймали первого, перевернули бочку, зафиксировали задние ноги и стали ждать.

Подошел Иваныч. Шурик принес ящик с инструментами. Алжан, вернувшийся с двумя ведрами, мылом и мочалкой уселся на перевернутое корыто рядом с докторским чемоданом, наблюдая за нами издалека.

Эй, заместитель, ты чего там расселся?! – закричал на него Иваныч, – сейчас как раз твой выход. А ну тащи сюда все, за чем я тебя посылал!

Алжан повиновался.

Смотри грязь какая! Как я оперировать должен? – указал он рукой на место предстоящего оперативного вмешательства, – давай, намыливай мочалку и вперед! Чтобы через минуту все сияло, как у кота!

Я не умею это, вон, лучше Шурик, у него лучше получится, – попробовал, как всегда, «откосить» Алжан.

Я вот те покажу, «Шурик»... Шурик – мой ассистент, у него другая работа! Взял мочалку, намылил и вперед! Быстро! А то сейчас за командиром твоим пошлю... , Да, и все, что отрежу, бережно соберешь и сложишь вон в ту кастрюльку. Все понял?!...

Алжан недовольно сморщился, окунул мочалку в ведро и стал тереть ее большим куском хозяйственного мыла. Потом, брезгливо, держа мочалку двумя пальцами и отворачиваясь, стал имитировать мытье предоперационной зоны.

Да кто-ж так моет?! Мой как свои! Три как следует!..

В общем, это был один из тех немногих случаев, когда мне пришлось видеть Алжана действительно работающим. Иванычу, видимо, удалось запугать его жалобами командиру. Алжан орудовал мочалкой в клубках мыльной пены, просушивал промытое марлей, брал тампон, пропитанный йодом, и тщательно обрабатывал места предстоящих надрезов...

Когда мы закончили, на улице было уже темно. Крупные бархатные звезды покрывали черный небосклон. Звезд было так много, и они были такими яркими, что кроны окрестных деревьев пропечатывались на фоне неба контрастным черным. Было еще не холодно, но уже по-осеннему свежо. В казарму заходить не хотелось, мы расположились в курилке у входа. Живой столб ночных махаонов клубился под фонарем над дверью. Крупные мохнатые бабочки, подчиняясь

безусловному рефлексу стремления к свету, плотной массой бились друг о друга, стараясь пробиться как можно выше. Чтобы, в результате, удариться о горячую лампу и упасть замертво. Безусловное рефлекторное подчинение. Как это, все-таки, мерзко. Кому все это нужно? Кому становится лучше, когда четыре здоровых парня, не обученных деревенской работе, целый день гоняются за свиньями? Любой деревенский пацан сделал бы все это в пять раз быстрее. Да еще и с удовольствием. Я посмотрел на Витьку. Похоже, его тоже одолевали не самые приятные мысли. Он сидел с таким лицом, будто именно с ним, а не с кабанчиком произошло сегодня что-то непоправимое. А ведь следующим в шеренге, после Данилина, стоял другой Витька. Пятилев. Выросший в деревне и призванный на службу после первого курса ветеринарного института. Я уверен, что он записался бы в группу захвата свиней добровольно, будь у него информация. Ведь ему весь этот процесс был бы более, чем интересен...

Мы вернулись в казарму. Дневальный передал, что нам приказано, по окончании работ, привести себя в порядок и прибыть на камбуз. Нам был оставлен ужин.

Есть не хотелось никому, кроме Алжана. Но приказ есть приказ. Никому не хотелось нарываться на неприятности по такому пустому поводу. Не меньше часа мы провели в бане, смывая с себя следы схваток с животными.

На ужин мы пришли совсем поздно, в мокрых робах и ботинках. Вся часть уже спала. В ярко освещенной столо-

вой пахло свежее испеченным хлебом. На входе нас встретил Богдан. Он поставил перед нами кастрюлю гречки с мясом, большую тарелку нарезанного крупными ломтями, еще горячего хлеба, блюдце с куском сливочного масла и чайник с киселем из лимонника.

– Ешьте, герои, приятного вам! – сказал он, усмехаясь в усы, – Только не шумите сильно, у меня там гость, – он указал оттопыренным большим пальцем себе за спину, в сторону приоткрытой двери в офицерскую столовую. И посуду за собой помойте, я дежурного матроса уже отпустил.

Аппетит приходит во время еды, это правда. Запах свежего хлеба затуманил неприятные воспоминания. Молодость и последствия физической нагрузки взяли верх. Мы вдруг, вспомнили, что у нас сегодня еще не было ни обеда ни ужина. Мы с удовольствием отдались трапезе.

Допив кисель, я пошел мыть свою посуду. Проходя мимо двери в офицерский зал, я остановился. Оттуда доносилось какое-то странное, нечеловеческое сопение. Я осторожно заглянул. За угловым столом небольшого офицерского зала сидел замполит Пятак. Перед ними стояла почти пустая литровая банка с остатками прозрачной жидкости. Рядом с банкой – зеленая эмалированная кружка, несколько грязных тарелок, и та самая кастрюлька из чемодана Иваныча. Уже пустая. Неприятно пахло спиртным перегаром. Пятак спал, привалившись к стене, уронив голову на меха своих шейных складок. Его маленькие круглые глазки были прикры-

ты розовыми, как будто совсем без ресниц, веками. Жидкие белесые волосы, обрамляющие круглую блестящую лысину, сбились в два почти симметричных, свисающих над бровями пучка. Струйка мутной тягучей слюны стекала из угла рта на воротник кремовой офицерской рубашки.

Эх, зря мы бочонок с собой не взяли, сейчас бы пригодился, – раздался шепот Шурика за моей спиной.

Я обернулся. Позади меня стояли Витька и Шурик. С нескрываемым отвращением они разглядывали полуживую тушу пьяного замполита.

Да. И Иваныч рано уехал, – подыграл Шурику Витька.

Да ладно, фиг с ним, с Иванычем. Был бы бочонок, я бы и без Иваныча справился, я же ассистент, – серьезно проговорил Шурик, – К тому же, Паблий Сирийский еще до Рождества Христова всех нас предупредил: «Ab altero expectes, alteri quod feceris – Жди от другого того, что ты сам другому сделал».

Мы с Витькой не сдержались и заржали в голос. К нам тут же присоединился Шурик. Капитан третьего ранга Пятак затих, почмокал губами и выпустил на воротник очередную порцию слюны. Он был мертвецки пьян и крепко спал. Так крепко, что вряд ли бы проснулся даже в том случае, если бы на него и правда одели бочонок.

Долгопрудный. Ноябрь 2017

Искусство военно-морского менеджмента

В мире написано великое множество книг и статей о том, как правильно нужно ставить цель. Думаю, как минимум, девять из десяти авторов всяческих «букварей менеджеров» и «сборников советов для успешных людей» не обошли эту тему стороной. Более того, большинство из них, дают одни и те же, или, как минимум, очень похожие рекомендации в этой области. В конечном итоге, все советы так или иначе, являются производными одного единственного, ставшего почти универсальным, правила. В результате сегодня, если вы спросите любого менеджера любой страны и любой отрасли о том, как нужно правильно ставить цель, наверняка услышите, что цель нужно ставить по SMART.

Прежде чем перейти к более интересному, с моей точки зрения, повествованию, должен объяснить для нормальных людей, в смысле, для не менеджеров, что SMART – это англоязычная аббревиатура, которая в силу своей универсальности и многократного заимствования «оригинальной идеи» друг у друга разными авторами, «обросла» таким количеством вариантов расшифровки, что может служить отличной темой для отдельной лингвистической диссертации. К сожалению, я не знаю, какой вариант был первоначальным,

и привожу наиболее распространенные.

Итак, менеджеры считают, что правильно поставленная цель должна быть

S – specific / significant – конкретной / важной

M – measurable / meaningful – измеримой / значимой

A – achievable / ambitious – достижимой / амбициозной

R – realistic / result-oriented – реалистичной, ориентированной на конкретный результат

T – time-oriented / timely – ориентированной на время / своевременной

Как видите, какой бы вариант расшифровки вы не выбрали, метод постановки цели от этого существенно не меняется. И в принципе, это разумно, что цель должна быть поставлена таким образом, чтобы было понятно, что конкретно и кому именно нужно сделать, к какому сроку и как будет измеряться результат. Кроме того, будет лучше, если исполнитель будет верить в достижимость этой самой цели. И, уж конечно, выполненная цель должна служить какому-то прогрессу. Иначе, зачем же ее ставить то? Так что правило, безусловно, полезное, да вот только, с моей точки зрения, далеко не обязательное, а в некоторых случаях, и вовсе лишнее. И уж конечно, это правило ни в коей мере не является панацеей, какими бы магическими свойствами его не наделяли светочи теоретического менеджмента.

Не согласны? Охотно приведу пример.

Эту сцену я наблюдал своими собственными глазами в од-

на тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году, будучи матросом взвода охраны одного из приемно-передающих радиопередатчиков Краснознаменного Тихоокеанского флота.

Каждую субботу в нашей части проводился парко-хозяйственный день (ПХД). Это значит, что весь личный состав части, не занятый на вахте у передатчиков, в караульной службе или в других нарядах, на целую субботу распределялся по разным участкам для выполнения всевозможных хозяйственных работ. Для этого, сразу после завтрака, командир каждого подразделения строил свою команду и осуществлял, так называемый, развод личного состава на работы. То есть делил подразделение на группы или персоналии и ставил каждому индивидууму или группе цель по уборке помещений или территорий, мойке, чистке или ремонту инвентаря, рытью траншей, прокладке кабелей и всякой другой, хозяйственной, и, видимо, кому-то необходимой деятельности.

В то время в нашей части служил один сверхсрочник. Назовем его старшим мичманом Енкиным. Он командовал электромеханическим отделением (ЭМО). Это значит, что именно его команда обеспечивала всю часть электроэнергией, водой, теплом, исправно работающей канализацией и прочими бытовыми радостями. Отделение состояло из пяти – семи универсалов: мотористов, слесарей-сантехников, кочегаров и электромехаников в одном лице.

Не знаю, насколько хорошим командиром был Енкин, я

ему никогда не подчинялся, но летом, как правило, его команда исправно выполняла все свои обязанности несмотря на то, что все оборудование и механизмы, которыми располагало отделение, были рухлядью редкостной.

Зимой же все было не так позитивно. По крайней мере с теплоснабжением. Уж не знаю, какова была причина сего явления, но температура в жилых помещениях, а именно, в нашей казарме и в трехэтажке, где жили некоторые офицеры и мичманы со своими семьями, крайне редко поднималась выше двенадцати градусов по Цельсию. Слава богу, ниже восьми градусов она тоже не опускалась, и жидкости не меняли своего агрегатного состояния. Тем не менее, зимой ни команду, ни самого Енкина не любили.

Видимо, именно по этой причине, Енкин пил. Причем, пил не шуточно, и, почему то, круглый год. Кроме того, имел безупречный «нюх» на все спиртосодержащее.

Однажды, его команда разжилась дрожжами и сахаром, позаимствовала на полевой летней дойке близлежащего колхоза молочную флягу, да и поставила в ней брагу. Фляга стояла в самом дальнем углу котельной, погребенная под огромной кучей угля. Никогда раньше Енкин не копался в угле. Но в один из дней, когда брага уже практически настоялась, он ее нашел. Он не ругался, не объявлял взысканий и не наказывал подчиненных ни морально, ни физически. Даже зачинщика искать не стал. Он просто унес флягу к себе домой.

ЭМО-шники снова сделали вылазку на летнюю колхозную

дойку. Дрожжи купили в ближайшем поселке. Благо, сахар на камбузе был всегда и в достатке. На этот раз фляга была спрятана под землей, в узком тоннеле между двумя теплотрассными колодцами, в месте, где кроме самих брагоделов, в период их службы, никто из срочников точно не бывал, не говоря уже об офицерско-мичманском составе. В общем, место для браги было выбрано сверх надежное. Но Енкина и это не остановило. Сами понимаете, что у него дома появилась еще одна, очень быстро опустошающаяся фляга.

Итак, суббота, ПХД, восемь тридцать утра. В просторном холле части, одновременно являющемся внутренним пла-

цем, построена команда электромеханического отделения. Перед ними старший мичман Енкин.

Даже на расстоянии чувствуется, насколько ему тяжело сегодня утром. Он, как всегда, небрит и хмур. Ему очень мешает яркое освещение ламп дневного света. Он щурится и недовольно морщится. Ведь, как назло, именно та часть мира, которую он видит с высоты своего, почти двухметрового роста, в это утро наиболее недружелюбна и невыносимо раздражающа. Да еще эта мичманская пилотка! Будто железными клещами сдавила его череп, вызывая нестерпимую боль где-то глубоко, между полушариями. Впрочем, сегодня утром боль была бы и без пилотки, но с пилоткой, особенно...

Но мичман советского флота умеет стойко переносить все тяготы и лишения. К тому же многолетняя закалка. Ведь утро – оно же каждый день утро. Енкин собирает волю в кулак и минуты две генерирует какой-то, только одному ему известный план работы на день. Затем произносит: «Короче, сейчас это», – повисает короткая пауза, после которой: «А потом... Все вместе, сразу», – следующая пауза повисает почти на целую минуту. После чего, видимо что-то серьезно переосмыслив, Енкин выдавливает из себя заключительное: «Но это потом. А сейчас это!», – еще короткая пауза, и долгожданное: «Разойдись!»

И все! Задача поставлена! И весь личный состав отделения быстро расходится выполнять каждый свою часть рабо-

ты, причем, не задавая абсолютно никаких вопросов. Какие могут быть вопросы, и так все понятно!

А вы говорите SMART...

Долгопрудный. Ноябрь 2011.

Кок, плов, и камбуз или Мудрое командирское решение

Сегодня в каждом крупном городе вы без труда найдете несколько доступных мест, где можно отведать настоящего узбекского плова. В советские годы, такая возможность была только у жителей Средней Азии. Остальные же граждане нашей необъятной и многонациональной, представляли плов именно таким, каким его готовили в их семьях. Если готовили, конечно.

В моей семье плов иногда случался. У мамы получалось очень вкусно.

К сожалению, мама почти не путешествовала. Даже внутри Союза. Не имела такой возможности. Она никогда не была ни в Средней Азии, ни на Кавказе. Тем не менее, во времена моего детства, она очень любила порадовать своих домашних каким-нибудь этническим деликатесом. Поэтому, время от времени, особенно по праздникам, на нашем столе появлялись замечательные флагманы различных национальных кухонь, приготовленные по рецептам, добытым самыми разными путями: из поваренных книг, по совету подруг, с обратной стороны листочка календаря – численника... Суп харчо, бигос, цыпленок табака, зразы, манты, форшмак и, конечно, плов. Все это великолепие мама готовила

очень вкусно, и, при этом, немножко по-своему. В общем, и не удивительно, так как и достоверность печатных материалов и наличие необходимых ингредиентов в магазинах в те годы оставляли желать лучшего.

Поэтому, наиболее близкий к правильному узбекскому плов я попробовал гораздо позже, будучи матросом одной из воинских частей Краснознаменного Тихоокеанского флота. Часть была маленькой. Человек десять офицерско-мичманского состава, три отделения моряков – связистов, отделение обеспечения, взвод береговой охраны, и, как выяснилось, самый профессиональный из всех нас в своей специальности, кок.

Кока звали Серегой. Вернее, по-настоящему, его звали Суннатилла, но, для более легкого запоминания своего непривычного для нас имени, он представлялся Сергеем. Серега был нашего призыва. Невысокий, худощавый, очень добрый и всегда улыбающийся молодой человек из Ташкента, успевший до службы закончить кулинарный техникум, первый курс какого-то пищевого ВУЗа, и, параллельно с учебой, дослужиться до повара в каком-то известном в то время Ташкентском ресторане.

Он, конечно, не был простым коком, он был художником. К приготовлению пищи относился как к искусству. Благо, набор продуктов, входящий в паек матросов Тихоокеанского флота, и земляк-товаровед на базе Амурской флотилии не сильно ограничивали его фантазии. Он был талантлив и

необычайно работоспособен. Я уверен, что в то время нашему ежедневному меню могла позавидовать любая, даже самая штабная воинская часть. Каши, томленные с курагой и черносливом, горячие бутерброды, всевозможные сложно-сочиненные омлеты, борщ с чесночными пампушками, финский суп из чавычи на молоке, котлеты по-киевски, печень по-строгановски, люля, плов, чай с элеутерококком...

Сергея увлекался и импровизировал. Он получал удовольствие от процесса приготовления и от того, что доставлял нам радость. Даже элементарные макароны по-флотски у него больше напоминали знаменитые спагетти болоньезе.

А еще у Сереги была мечта. Он хотел служить на самом настоящем флоте, морском. В его планы не входило проведение ближайших трех лет своей жизни в пределах нашей совсем маленькой воинской части, затерянной в глуши подхабаровских болот. Серега еженедельно писал рапорты в штаб флота. Просил перевести его на подводную лодку, или, хотя бы, на корабль.

В день своего отъезда Серега кормил нас просто по-царски. Для обеденного меню он выбрал местную, дальневосточную кухню. Рыбная солянка с папоротником, салат из кукумари, настоящие дальневосточные самолепные пельмени из кижуча и кисель из лимонника. А на ужин, конечно, был вкуснейший узбекский плов, чай с чабрецом, и даже свежеиспеченные лепешки. Не из тандыра, конечно, но, тем не менее, очень вкусные.

После ужина весь личный состав, не занятый в нарядах, долго стоял на улице, с грустью наблюдая, как командирский УАЗик, подпрыгивая на ухабах, навсегда увозит всеми уважаемого кормильца.

Двумя часами позже, мы как обычно построились на вечернюю поверку. Мичман Никишин, сдвинув фуражку на затылок своей абсолютно круглой, как футбольный мяч, головы, старательно двигал толстыми губами, дочитывая список фамилий личного состава.

– Харламов

– Я

– Хромов

– Я

– Цаплин

– Я

– Проверка оконче..

– Трищ мичман, разрешите обратиться, – оборвал Никишина на последнем слове борзый дембель Вася Благоденский

– Благоденский, твою макушку, ты опять меня перебиваешь...

– Извините, трищ мичман, и так ясно, что все, кроме Серegi на месте, у меня вопрос срочный...

– Давай свой срочный, твою макушку, выкладывай, и чтоб не перебивал меня больше!

– А что мы завтра жрать будем? В смысле, кто теперь кок?

Сергея то ведь уже на вокзале, наверное. А завтра утром он из Владика вертушкой на авианесущий крейсер. У него теперь там камбуз, блин.

Глаза мичмана перешли в режим пустоты. Повисла, по истине, МХАТ-овская пауза. Похоже, он не был готов к ответу на этот вопрос.

Никишин, наконец, вышел из оцепенения, и, не слова не говоря, быстрым шагом отправился к кабинету капитана второго ранга Самойлова – командира нашей части.

Мы все, включая самого борзого дембеля Благоденского зажмурились. Каждый из нас уже знал, что может случиться, если «Батю», то есть, кап-два Самойлова, потревожить в неподходящий момент. А момент был ну очень не подходящий.

Два дня назад в часть привезли очередную квартальную порцию спирта для протирки передатчиков. Двести литров. Сразу после этого в кабинете командира собралось экстренное совещание в составе самого кап-два Самойлова, начальника штаба, капитан-лейтенанта Чекашина и самого авторитетного в части человека – старшего мичмана Кирюхина – бывшего непосредственного начальника, покинувшего нас Сереги, и, по совместительству, начальника склада продуктов питания и средств протирки передатчиков.

Совещание шло уже вторые сутки. Время от времени дверь в кабинет распахивалась, выпуская клубы табачного дыма и раскрасневшегося Кирюхина, сжимавшего в руках

деревянную, потемневшую от времени ручку зеленого эмалированного чайника. Кирюхин выходил на улицу. Очень усталой, неуверенной походкой брел в направлении склада средств протирки. Минут через десять возвращался той же походкой и с тем же чайником. Но, уже, явно не пустым.

Никишин трижды постучал, приоткрыл дверь, просунул голову в образовавшуюся щель:

– Триц капитан второго ранга, разрешите войти?

Минут через пять дверь резко распахнулась. Решительным, но не очень ровным шагом из кабинета вышел сам Самойлов. Высокий, поджарый, широкий в плечах. Смуглое лицо, густые черные брови, прямые тонкие губы, широкие усы, латунно блестящие холодные глаза. Военно-морская черная со светлым кантом пилотка, лихо заломленная набок, давно потухшая папироса в уголке криво ухмыляющегося рта. Морская куртка-канадка с расстегнутым воротником-капюшоном, надетая прямо на тельняшку, руки в карманах, кожаные шлепанцы на босу ногу.

«Батя» два раза прошел вдоль вытянувшегося по стойке смирно и затаившего дыхание строя, сверля наши лица своим холодным, недобрый прищуром. Остановился, вытащил руку из кармана и с силой ткнул своим костлявым указательным пальцем в грудь самого ближнего к нему бойца:

– Кто такой? Выйти из строя!

Витька Петелев, старательно вытягивая длинные шарнирные ноги, отчеканил два положенных для данной церемонии

шага и повернулся лицом к строю.

– Матрос Петелев, – бодро пропел он, испуганно вытаращив свои и без того большие глаза.

– Где служишь?

– Во взводе охраны, товарищ капитан второго ранга!

– Так, сынок, иди принимай камбуз. С завтрашнего дня, сынок, ты кок. И чтобы завтрак был вовремя!

– Командир круто развернулся, еле устояв на ногах, и исчез за своей дверью.

А у нас с этого момента началась новая жизнь.

С Витькой, нашим новым коком, мы познакомились еще на пересыльном пункте во Владивостоке, потом вместе проходили курс молодого бойца в одной из частей Приморского края. Высокий, худой, нескладный, но, по-крестьянски жилистый, белобрысый парень из какой-то маленькой Мордовской деревни. Младший, восьмой ребенок в своей большой крестьянской семье. И очень долгожданный, потому что – мальчик. Старшие семь – девочки. Абсолютно беззлобный, очень обстоятельный и невероятно работоспособный. Отец с детства приучал его к труду. К крестьянскому труду. Витька мог профессионально косить, пахать, ловить рыбу. Мог выкопать колодец, поставить сруб, починить трактор. Он мог делать все, что угодно, но не готовить. Зачем уметь готовить, если у тебя семь старших сестер?..

Меню наших обедов преобразилось. Выглядело оно теперь приблизительно так.

Понедельник. Суп перловый, плов пшеничный с тушенкой, компот.

Вторник. Суп рисовый, плов перловый с тушенкой, компот.

Среда. Суп вермишелевый, плов рисовый с тушенкой, компот.

И так далее в различных крупяных вариациях. Разнообразие Виктор допускал только в воскресенье, балуя нас макаронами по-флотски все с той же, всем быстро надоевшей тушенкой, да по четвергам, когда подавалась рыба треска с перловкой. Причем, ударение в слове треска в Витином произношении делалось на первом слоге.

Витю несколько раз били дембеля. За то, что он даже картошки после отбоя им пожарить не мог. Вернее, жарил конечно, но так, что есть ее старослужащие не могли. А потом смирились, стали жарить сами.

Да и у остального личного состава, во всяких каптерках, кочегарках и баталерках завелись кастрюли и сковороды. Благо, Витька никогда не жадничал, и у него всегда можно было взять картошки, лука, и всем давно надоевшей тушенки.

Зато свиньи на нашем небольшом подсобном хозяйстве стали себя чувствовать гораздо лучше, чем при Сереге. Им теперь доставалось почти все, что готовил для нас Виктор.

Долгопрудный. Январь 2017.

Новосибирский завод металлических конструкций. Или, вот оно, счастье!

Мне очень не нравилось работать сварщиком. И еще больше не нравилось работать на заводе. Настолько сильно, что я почти начал считать себя самым настоящим бездельником. Кстати, в те далекие годы, несмотря на начало перестройки и зарождающееся предпринимательство, еще можно было схлопотать статью за тунеядство. Но пугало меня не это. Я осознавал, что мне всего двадцать лет, и самостоятельная «трудовая жизнь» только – только началась. И если вдруг я не способен работать в принципе, как тогда жить?

Рабочий день официально начинался в семь тридцать и заканчивался в шестнадцать ноль-ноль. Полчаса давалось на обед. Те, кто входил позже половины восьмого, либо выходил до четырех хотя бы раз в месяц, автоматически попадали в список сотрудников, лишенных месячной премии. Кроме того, после такого «залета» ты становился объектом всяческих моральных «пропесочиваний». Не буду углубляться в эту тему, гениальный Георгий Данелия отлично иллюстрировал всю эту профанацию в фильме «Афоня».

В общем, опаздывать или уходить раньше без специальной бумаги, завизированной начальником цеха, не рекомен-

довалось.

Но, боже мой, какая же это была мука. Целыми днями, неделями, месяцами, я был вынужден делать абсолютно одни и те же механические действия. Утром я загружал на здоровенный сварочный верстак штук десять уродливых заготовок, состоящих из маленьких и больших железячек, точечно схваченных между собой сборщиками. Брал одну, проваривал все швы на одной стороне, кантовал, проваривал вторую сторону... третью, ... еще одну... Ставил «крестик» в блокнотик, чтобы не обманули расчетчики... Брал следующую... Тошнотворная скука! Причем, еще и крайне вредная для здоровья.

Отвратительный был период. День за днем я проваривал скучные стыки на скучных конструкциях, с не менее скучным названием «ростверки». Мне казалось, что окружающая жизнь остановилась, или как минимум, замерла. Никакой динамики, никакой смены декораций. Каждый день одно и то же. При этом, естественно, все процессы внутри меня шли своим чередом. Я просто физически ощущал, как на фоне этой неменяющейся декорации у меня отрастают волосы и ногти, портится эмаль на зубах, и дым, которым я постоянно дышу, разъедает слизистую оболочку глаз и мои легкие. И самое страшное, я отчетливо осознавал, что у меня, видимо, за абсолютной ненужностью начинает атрофироваться мозг.

Уже потом, гораздо позже, я узнал, что еще за несколь-

ко лет до моего рождения, один ливерпульский музыкант по имени Ринго, сумел сжать все мои вышеописанные переживания в одну короткую, но очень емкую фразу: «А я тут сижу и старюсь».

Время от времени нервы не выдерживали, и я разрешал себе внеочередной перекур. Маска и брезентовые сварочные рукавицы летели на верстак, а и шел в "кондейку" – отгороженный с трех сторон закуток, считавшийся официальной курилкой, где матерые "сварные", добрая половина из которых имела в анамнезе судимости и "сроки", заваривали себе "чефир".

Я садился с ними на скамейку, грубо сколоченную по периметру ржавых металлических листов, отделяющих "кондейку" от рабочего пространства цеха, закуривал сигарету и... И опять чувствовал подкатывающуюся тошноту. Уже от услышанного. Какие это были разговоры! Какие дискуссии! Какие темы!! И, самое главное, какой язык...

Меня тогда, только что демобилизовавшегося, конечно, не просто было удивить не самой глубокой мыслью и виртуозными, в своем специфическом смысле, фразеологическими оборотами. Тем не менее, у особо одаренных, получалось. Плюс, в армии я все это терпел, потому что там выбора, как известно, просто не было. Дала тебе Родина два года – отбывай, никуда не денешься. Но здесь-то я сам написал заявление о приеме на работу...

В общем, трехминутное пребывание в курилке возвраща-

ло к мысли, что, может быть, лучше сделать еще одну попытку поиска позитива в работе...

Короче говоря, мне было нелегко. Тем не менее, другой профессии у меня тогда не было, деньги были нужны, и я делал очередную попытку самоперевоспитания. Я записывался в список остающихся сверхурочно на несколько дней вперед, чтобы потом не было возможности передумать. Я пытался таким образом заработать больше денег, чтобы почувствовать их "вкус". В результате, все равно не получалось, производительность была низкая, мечта не реализовалась. Более того, как только кончался срок вперед расписанных "вечеров", я срывался, и не мог заставить себя усердно работать даже внутри обязательных восьми часов.

Месяцев через пять – шесть я окончательно решил, что поговорка " в семье не без урода", как раз про меня. И что нормально работать я не способен в принципе. Тем не менее, я не мог решиться на уход "в никуда", гнал от себя необходимость принимать решение, в результате, пытался малодушно зажмуриться и просто "плыть по течению". Утром я проходил через проходную в семь двадцать девять, и уже в «без пяти минут четыре» я подходил к проходной уже с обратной стороны, закуривал, и ждал, когда громкоговорящий "колокол" пропищит на всю заводскую территорию последний сигнал точного Новосибирского времени. И на целых пятнадцать с половиной часов наступала имитация освобождения.

Время от времени я просыпал. Психологи и бизнес тренера хорошо знают, что если человеку очень не хочется чего-нибудь, его подсознание будет проделывать с ним всяческие фокусы, оберегая его от этого самого "чего-нибудь". У меня в то время был просто чудовищно крепкий сон. Чаще всего я просто не слышал будильника. А если и слышал, то, видимо, толком не проснувшись и не помня себя, нажимал на кнопку и спал дальше. В результате, я стал ставить два будильника. Один механический рядом с диваном в большую эмалированную кастрюлю, для усиления звука. Второй, "кварцевый", на пять минут позже, на столе, в полутора метрах от дивана. Тем не менее, время от времени, я все равно просыпал.

И вот, однажды, зимой, в самый тоскливый ее период, я вижу сон, что я, в очередной раз проспал. Я подскакиваю как ужаленный, щелкаю выключателем, мучительно жмурясь от яркого света пытаюсь разглядеть небольшой циферблат наручных часов. Циферблат предательски показывает почти пятнадцать минут восьмого. Так и есть, проспал! Сразу представляю себе все самые гадкие последствия этого явления, быстро, еще по-армейски одеваюсь, выскакиваю из дома и пулей лечу на остановку. Пробегаю остаток своей улицы, огибаю девятиэтажку, проношусь сквозь лесополосы с обеих сторон транссибирской железной дороги, преодолеваю "полосу препятствий", состоящую из нескольких грузовых составов, забитых всякой промышленной всячиной,

и нашедших ночлег в тупиках маневровых путей, наконец выбегаю на перекресток Станционной и Второй Станционной улиц, перебегаю дорогу и останавливаюсь, жадно хватая ртом обжигающий морозный воздух. На улице где-то около минус тридцати семи – тридцати восьми: очень громко скрипучий снег, морозная дымка, "световые столбы" на горизонте, сосульки на усах, тяжелые, заиндевевшие ресницы... Тишина. На остановке пусто. Наверное, только что ушел троллейбус. Стою еще минуты три, потом еще три. Как-то странно. Что-то явно не так. Вокруг ни души. Не слышно ни шагов, ни моторов. Нет ни одной машины. В чем дело? Что случилось?

Отдвигаю край левого рукава шубы, снова смотрю на часы. Циферблат "Ракеты" отчетливо виден в желтом свете фонаря над остановкой. Ровно три часа.

Как здорово! Спросонья я просто перепутал стрелки. Значит, до начала каторжных работ еще больше четырех часов. Можно возвращаться в дружелюбное пространство дома. Можно залезть под теплое одеяло и снова выключить свет. Три часа сна – почти целая вечность. Вот оно счастье!

Фирменный поезд №38, где-то между Пермью и Екатеринбургом, сентябрь 2014

Бешеные деньги

– Скажите, а сколько я буду получать?

– Рублей двести – двести пятьдесят в месяц. Ты же с госплановским продуктом работать будешь, там только оклад, премий практически не бывает. Но перспектива есть. Парень ты молодой, здоровый. Будешь хорошо работать, дождёшься вакансии в коопторговской бригаде. А у них сдельная, расценки высокие. Там мужики по триста пятьдесят – четыреста получают. Правда, там и текучки почти нет, но, если повезет....

В комнате отдела кадров Новосибирского хладокомбината было пыльно и душно. Несмотря на распахнутое настежь окно, свежесть летнего утра никак не могла одолеть многолетнюю пыль, въевшуюся в штабеля картонных папок, скрывающих в себе личные дела работающих и уже давно уволенных сотрудников. Добродушный на вид, начинающий лысеть, грузный дядька, лет сорока семи – пятидесяти, глядел не меня поверх очков, съехавших на нос, стараясь объяснить мне заманчивые перспективы карьерного роста в моей новой профессии. Перед ним на облезлом письменном столе лежала моя еще почти новая трудовая книжка, в которую он только что, привычным росчерком, вписал фразу: “принят грузчиком в технологический цех”.

Потом я отправился в кладовую спецодежды, где получил

рабочий костюм, стандартного для “совка” больнично-тюремного фасона, небрежно сшитый из хлопка загадочного цвета. Еще мне выдали телогрейку, ватные штаны, сплюсненные валенки и шапку-ушанку из меха черного Чебурашки. Надевать на себя все это летом было несколько странно. Тем не менее, я не решился нарушать инструкции, данные мне на новом рабочем месте в первый же день моей новой профессии.

– Ну вот, братва, знакомьтесь, это Константин, – представил меня трудовому коллективу мой новый руководитель – бригадир Михалыч.

Коллектив тоже был одет в валенки и ватники, и, несмотря на утренний час, источал довольно сильный аромат дешевого портвейна.

– Едришкин корень, я смотрю вы заправились уже, пока я за пополнением ходил. Мне то оставили? – настороженно осведомился руководитель у коллектива.

– Обижаетесь, Михалыч, мы же нормальные мужики, поровну, значит поровну. Все по чесноку!

– Да у них тут демократия, однако, – подумал я, – а это, как минимум лучше, чем диктатура...

Пока я рассуждал на тему типа общественно политической формации моего нового коллектива, Михалыч успел стремительно скрыться за какой то железной, крашенной Кузбасс-лаком дверью, и, не более, чем через минуту, выпорхнуть из-за двери обратно уже явно повеселевшим. “Как

же, все-таки, человеку мало для счастья нужно”, – сегодняшний день был однозначно щедр на жизненно полезные наблюдения...

– Ну все, мужики, харэ балду пинать, айда в камеру. Вон, уже очередь грузовиков у эстакады скопилась. Завтра вагон придет, сегодня под него обязательно место нужно освободить...

Камерами назывались специальные складские помещения, в которых поддерживалась нужная для хранения тех или иных продуктов температура. В камерах, где мы работали, хранилась говядина. Там было минус восемнадцать по Цельсию. Говяжьи полутуши складывались в огромные штабели вдоль стен. Видимо, сразу после штабелирования, говядина сразу же превращалась в стратегический запас страны, или, как минимум, Новосибирска. Судя по датам, отштампованным на полутушах, стратегический запас, прежде всего, должен был основательно вылежаться. Возможно, годы идут на пользу не только виноградному соку, и в выдержке говядины тоже есть какой-то смысл, судить не мне. Тем не менее Новосибирск исправно хранил свой запас годами, видимо, почти до истечения срока этого самого хранения. После чего стратегический запас снова превращался в мясо, и его отправляли в магазины и столовые. В итоге, несмотря на свою “не первую молодость” большая и лучшая часть вчерашнего стратегического запаса до прилавков и столовских котлет так и не доходила. Срабатывала “система специального рас-

пределения”, выстроенная за долгие годы советской власти поколениями завмагов и товароведов. Ну, в общем, кто был рожден в шестидесятые и раньше, хорошо все это помнит...

В целом, наша работа как раз и заключалась в том, чтобы сделать из вновь пришедшего свежего мяса стратегический запас. А еще вчерашний стратегический, наоборот, отправить в систему спец распределения...

Мой новый коллектив с энтузиазмом обучал меня всем хитростям профессии. Как правильно двигаться, находясь сверху трехметрового штабеля, в какой последовательности сбрасывать полутуши вниз, чтобы не устроить обвал и самому не угодить в мясную лавину. Как правильно брать или подавать полутушу "на хребет" чтобы не сломать позвоночник себе или напарнику. Где можно заказать, или из чего сделать себе длинный узкий нож, который у каждого уважающего себя грузчика всегда должен быть за голенищем валенка, так как настоящий грузчик должен быть истинным последователем великого Родена, отсекая от говяжьих полутуш все лишнее при каждом удобном случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.